

не смущаясь тѣмъ, что кругомъ насъ было не мало всякаго рода людей, Треповъ сказалъ мнѣ: «Вы полагаете, что ответственное министерство равносильно полному захвату власти и изъятію ея изъ рукъ Монарха, съ претвореніемъ Его въ простую декорацию. Я успѣлъ только сказать ему, что допускаю и гораздо большее, то есть замѣну Монархіи совершенно иною формою государственнаго устройства, — какъ мы должны были прекратить нашъ рзговоръ, и онъ никогда больше не возобновлялся до самой смерти Трепова.

Приблизительно въ ту же пору — между 15-мъ и 20-мъ числами іюня, послѣ одного изъ моихъ очередныхъ докладовъ въ Петергофѣ, Государь задержалъ меня послѣ доклада, какъ это Онъ дѣлалъ иногда, когда что-либо особенно занимало Его вниманіе, и, протягивая сложенную пополамъ бумажку, сказалъ мнѣ: «посмотрите на этотъ любопытный документъ и скажите Мнѣ откровенно Ваше мнѣніе по поводу предлагаемаго Мнѣ новаго состава министерства, взамѣнъ того, которое вызываетъ такое рѣзкое отношеніе со стороны Государственной Думы». На мой вопросъ кому принадлежитъ мысль о новомъ составѣ правительства, взамѣнъ такъ недавно образованнаго, Государь отвѣтилъ мнѣ только «конечно, не Горемыкину, а совсѣмъ постороннимъ людямъ, которые, быть можетъ, нѣсколько наивны въ пониманіи государственныхъ дѣлъ, но, конечно, добросовѣстно ищутъ выхода изъ создавагося труднаго положенія».

На лѣвой сторонѣ бумажки стояли названія должностей, а на правой, противъ нихъ, фамиліи кандидатовъ. — Противъ должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ была написана фамилія — Муромцевъ; противъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ — Милуковъ или Петрункевичъ; противъ Министра Юстиціи — Набоковъ или Кузьминъ-Караевъ; противъ должностей Министровъ Военнаго, Морского и Императорскаго Двора — слова: по усмотрѣнію Его Величества; противъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ — Милуковъ или А. П. Извольскій; противъ Министра Финансовъ — Герценштейнъ; противъ Министра Земледѣлія — Н. Н. Львовъ; противъ Государственнаго Контролера — Д. Н. Шиповъ. Прочихъ министровъ моя память не удержала.

Когда я внимательно прочиталъ этотъ списокъ и былъ, видимо, взволнованъ, Государь сказалъ мнѣ тономъ наружно совершенно спокойнымъ: «Я очень прошу Васъ высказать Мнѣ Ваше мнѣніе съ Вашею обычною откровенностью и не стѣсняясь ни выраженіями, ни Вашими мыслями, прошу Васъ только никому не говорить о томъ, что Вамъ извѣстно».

Я далъ, конечно, мое слово свято исполнить Его желаніе, сказавши, что очевидно, и Совѣтъ Министровъ не долженъ знать ничего и получить подтвержденіе словами: «именно это Я и разумѣю».

Насколько я умѣлъ въ минуту охватившаго меня волненія изложить мои мысли въ связномъ порядкѣ, я спросилъ Государя понимаетъ ли Онъ, что принятіемъ этого или иного списка министровъ, но принадлежащихъ къ той же политической группировкѣ, къ которой принадлежатъ, за малыми изъятіями, всѣ намѣченные кандидаты, Государь передаетъ этой части такъ называемаго общественаго мнѣнія всю полноту исполнительной власти въ странѣ, и Самъ остается безъ всякой власти и внѣ всякой возможности вліять на ходъ дѣлъ въ странѣ, каковы бы ни были тѣ мѣры, которыя предложить такая исполнительная власть. Уволить этихъ министровъ Онъ фактически уже не можетъ потому, что лично Онъ безъ того, что принято называть Государственнымъ переворотомъ, болѣе не можетъ распорядиться черезъ голову правительства исполнительными органами, которые, конечно, тотчасъ же будутъ подобраны изъ элементовъ угодныхъ этому правительству, а встать въ открытый конфликтъ съ послѣднимъ равносильно полной слатѣ всей Своей власти и не только превращенію всего нашего государственнаго строя въ монархію даже не англійскаго типа, но и неизбѣжному коренному измѣненію всего строя, со всѣми послѣдствіями, размѣровъ и формъ которыхъ никто ни предвидѣть, ни учесть не можетъ. Я старался какъ умѣлъ, показать на примѣрахъ въ какія проявленія неизбѣжно выльется такая перемѣна послѣ всего, что только что пережила и теперь переживаетъ Россія, и остановился особенно подробно на той мысли, что передача власти самимъ Государемъ въ руки одной, рѣзко выраженной, политической партіи, тотчасъ послѣ того, что Имъ же только что утверждены основные законы Государства, построенные на иныхъ принципахъ, и при этомъ подъ давленіемъ явно революціонныхъ требованій, проникнутыхъ нескрываемымъ стремленіемъ къ коренной ломкѣ новаго уклада жизни, чрезвычайно опасна, въ особенности, когда становится вопросъ о передачѣ власти въ руки людей, совершенно невѣдомыхъ Государю и, конечно, проникнутыхъ не тѣми идеями, которыя отвѣчаютъ Его взглядамъ на объемъ власти Монарха.

Внимательно слушая меня Государь спросилъ меня: «что же нужно дѣлать, чтобы положить предѣлъ тому, что творится въ Думѣ, и направить ея работу на мирный путь». Я далъ ему такой отвѣтъ, приводимый мною здѣсь въ самомъ сжатомъ видѣ, но съ точнымъ воспроизведеніемъ основныхъ моихъ мыслей:

Политическая партія, изъ которой невѣдомый мнѣ авторъ предполагаетъ сформировать новое правительство, жестоко заблуждается, думая, что, ставши у власти, эта группа поведетъ работу законодательства хотя бы по выработанной ею программѣ, даже если бы

она была одобрена Государемъ. Эта группа въ своемъ стремленіи захватить власть слишкомъ много наобѣщала крайнимъ лѣвымъ элементамъ и слишкомъ явно попала уже въ зависимость отъ нихъ, чтобы удержаться на поверхности. Она сама будетъ сметена этими элементами, и я не вижу на чемъ и гдѣ можно остановиться. Я вижу безъ всякихъ прикрасъ надвигающійся призракъ революціи и коренную ломку всего нашего государственнаго строя. Если Государь раздѣляетъ мои опасенія, то не остается ничего иного, какъ готовиться къ роспуску Думы и къ неизбѣжному также пересмотру избирательнаго закона 11-го декабря, наводнившаго Думу массою крестьянства и низшей земской интеллигенціей, а до того подумать о томъ, — нельзя ли лучше организовать само правительство по выбору самого Государя, удалить изъ него элементы, явно не сочувствующіе новому строю, привлечь взамѣнъ ихъ другіе, болѣе пріемлемые для общественаго мнѣнія, и постараться внести больше порядка и законности на мѣстахъ — безъ громкихъ лозунговъ, и въ то же время не отступать передъ борьбою съ явнымъ насильственнымъ захватомъ власти, безразлично, помощью ли Думскаго давленія, заранее рассчитаннаго на осаду власти или помощью ярко окрашеннаго еще болѣе враждебнымъ настроеніемъ къ существующей царской власти крайнихъ, чисто революціонныхъ, элементовъ. Мои послѣднія слова были: «Мы не выросли еще до однопалатной конституціонной монархіи чисто парламентскаго образца, и моя обязанность предостеречь Васъ, Государь, отъ такого новаго эксперимента, отъ котораго, пожалуй, уже и не будетъ больше возврата назадъ».

Государь долго стоялъ молча передо мною, потомъ подаль мнѣ руку, рѣзко пожалъ мою и отпустилъ меня словами, которыя я хорошо помню и сейчасъ: «Многое изъ того, что Вы сказали мнѣ, я давно пережилъ и перестрадалъ. Я люблю слушать разныя мнѣнія и не отвергаю сразу того, что Мнѣ говорятъ, хотя бы Мнѣ было очень больно слышать сужденія, разбивающія лучшія мечты всей моей жизни, но вѣрьте Мнѣ, что я не приму рѣшенія, съ которымъ не мирится моя совѣсть и, конечно, взвѣшу каждую мысль, которую Вы мнѣ высказали, и скажу Вамъ на что Я рѣшусь. До этой же поры не вѣрьте, если Вамъ скажутъ, что Я уже сдѣлалъ этотъ скачекъ въ неизвѣстное».

На слѣдующемъ моемъ всеподланившемъ докладѣ Государь встрѣтилъ меня, какъ только я вошелъ, словами: «То, что такъ смутило Васъ прошлую пятницу, не должно больше тревожить Васъ. Я могу сказать Вамъ теперь съ полнымъ спокойствіемъ, что я никогда не имѣлъ въ виду пускаться въ неизвѣстную для меня даль, которую Мнѣ совѣтовали испробовать».

Графъ В. Н. Коковцовъ.

Праздникъ Русской Культуры

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМІЯ

ПРИСУЖДЕНА АКАДЕМИКУ

И. А. Бунину

Мы уже привыкли къ тому, что русское искусство высоко цѣнится иностранцами. Нынѣ — съ присужденіемъ Нобелевской преміи Ивану Алексѣевичу Бунину — и русскій писатель достойно занялъ первое мѣсто въ міровой литературѣ.

И. А. Бунинъ, котораго мы привыкли цѣнить и почитать еще въ Россіи, какъ выдающагося представителя русской литературы, отмѣченъ исключительной наградой: шведская академія присудила ему безраздѣльно Нобелевскую литературную премію.

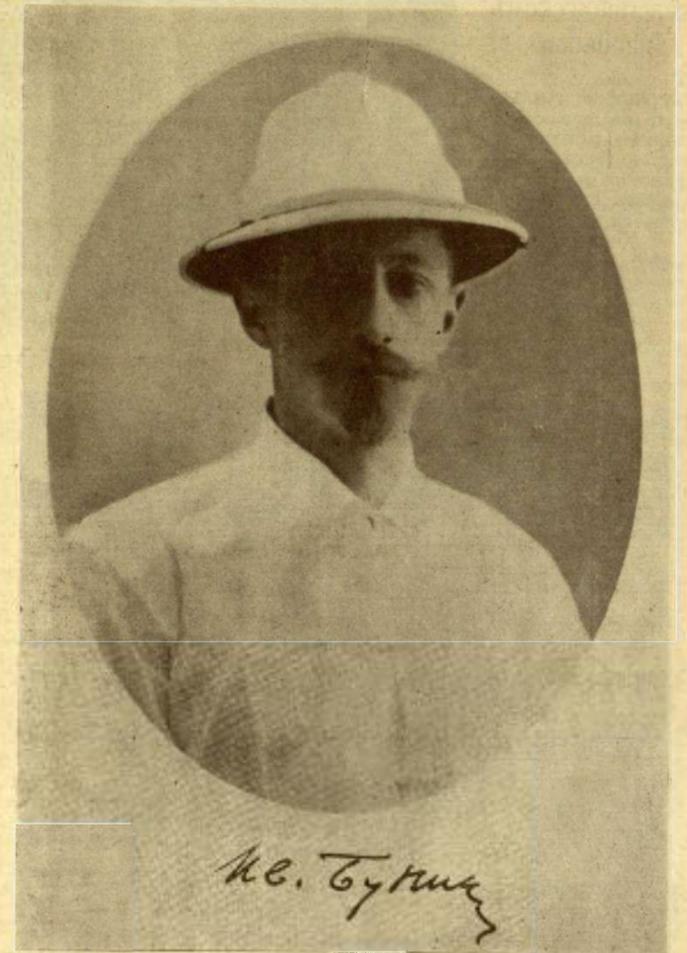
Мы вдвойнѣ удовлетворены этимъ въ высшей степени справедливымъ приговоромъ: награда присуждена не только русскому писателю и нашему сотруднику, она присуждена писателю-эмигранту, который, оставивъ Россію, подобно миллионамъ своихъ соотечественниковъ, показалъ, что творчество писателя въ условіяхъ совѣтской дѣйствительности невозможно.

Вынужденный покинуть родину, И. А. Бунинъ, принесъ на чужбину лишь свой литературный талантъ и свою любовь къ поруганной Россіи. И вотъ въ тяжкую годину нашего изгнанія, когда, казалось, весь міръ склонился предъ большевицкимъ насилиемъ и обманомъ, авторитетнѣйшимъ иностраннымъ учрежденіемъ русскому писателю-эмигранту было отведено достойное мѣсто среди тѣхъ, которыхъ знаетъ все культурное человѣчество.

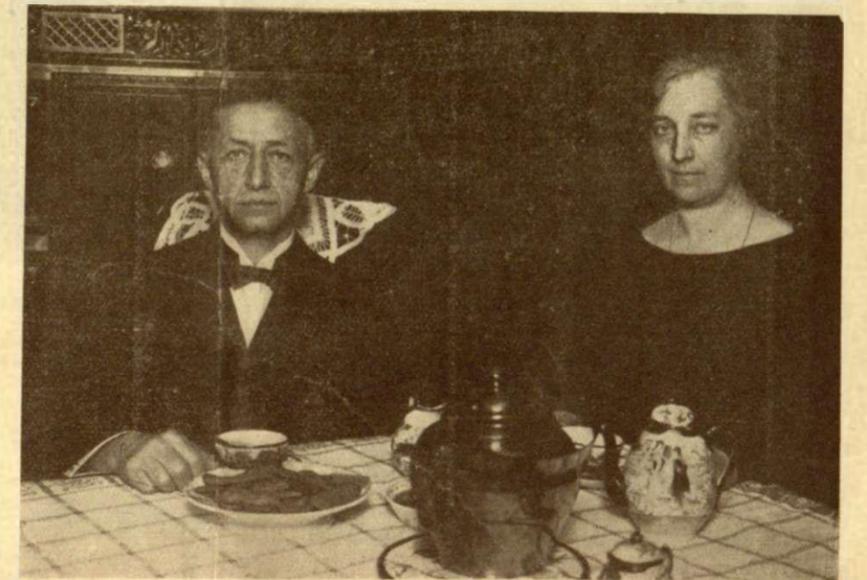
День увѣнчанія И. А. Бунина Нобелевской преміей — это не только праздникъ нашей литературы, это событіе исключительнаго значенія, свидѣтельствующее о томъ, что гдѣ-то тамъ, на вершинахъ человѣческаго духа, еще помнятъ и благоговѣнно чтутъ подлинную Россію.

И напрасно ее хоронятъ тѣ, въ комъ выжжена совѣсть! — Россія жива и будетъ жить въ твореніяхъ такихъ великихъ художниковъ слова, такихъ рыцарей духа, какъ И. А. Бунинъ.

Мы гордимся, мы умилены, мы потрясены до глубины души и горячо поздравляемъ дорогого Ивана Алексѣевича и въ его лицѣ — всю русскую эмиграцію — съ достойнымъ увѣнчаніемъ его жизненнаго труда.

И. А. Бунинъ въ 1913 году подъ тропиками.

И. А. Бунинъ съ супругой въ годы эмиграціи.